

Поняла, что меня можно любить

Марина ЗУБАНОВА довольно давно работает в Московском ГИОЗе, при этом имя ее даже театралам, по большей части, неизвестно. Она дебютировала в фильме Ларисы Садилевой "С любовью, Лиля". Картину показали на "Киношоке", и Марине пророчили приз за лучшую женскую роль. Подходили люди, поздравляли ее с прекрасной работой. Кто-то даже сказал о том, что на шее у актрисы бриллиантовое ожерелье, что теперь предложениям не будет конца... Между тем награды Марина Зубанова не получила. Что же касается ожерелья, как символа богоизбранности, везения, и лавины предложений, то вряд ли они вероятны при нынешнем состоянии дел в нашем кинематографе. Счастливые финалы, а вернее старты, теперь редкость.

– Марина, насколько ожидания человека, выбирающего актерскую профессию, расходятся с тем, что в итоге преподносит жизнь?

– Актерская профессия представлялась мне праздником: все меня видят, я – главная и роли играю главные, вспышки фотокамер и свет прожекторов. Стучившись в институте и придя в профессию по-настоящему, разочаровываешься даже не от отсутствия главных ролей. Приходит понимание того, что это работа, и ты изо дня в день работаешь на сцене, как у станка на заводе.

Есть сцена и есть закулисы, где не красишься, если нет спектакля, говоришь тихо, так, что переспрашивают. В моем дворе, где я гуляю с ребенком, люди не понимают, что я – актриса. И мне так существовать комфортно. Это своего рода эффект сохранения энергии. Кто-то не разделяет жизнь и съемочную площадку, сцену. Я же за кулисами совершенно другой человек.

Родилась я в Саратове, училась там на филологическом факультете в пединституте, который так и не окончила. Поехала поступать в Москву в театральные вузы. Провалилась в театральные вузы. Провалилась, но в Москве осталась, работала по лимиту и занималась в театральной студии. Была в течение трех лет котломойщицей в столовой Академии общественных наук при ЦК КПСС. Училась у Галины Борисовны Волчек на заочном факультете ГИТИСа. В 1992-м пришла в МГИОЗ. Не оттого, что травести. Мне было интересно то, что делала Генриетта Яновская. И мне кажется, что ей

нравится такой тип актрис, как я.

– Десять лет в театре. Можно подвести некоторые итоги...

– Итоги? Есть и некоторые регалии. Я – лауреат премии "Чайка" в номинации "Улыбка Ж" за спектакль "Мой бедный Бальзамин", где я сыграла служанок. Генриетта Наумовна берет меня во все спектакли, правда, я в них ничего не говорю.

– Возможно ли такое, чтобы артист был напрочь лишен тщеславия? Говорят, что вы как раз такая... А может, вас привела в профессию исключительно потребность психофизической реализации?

– Не стану лукавить. Стремление к славе есть в каждом актере, и я не исключение. Но существует диета, позволяющая похудеть на 50 кг за три дня, а есть диета, предусматривающая незначительную потерю веса за год. Последняя все-таки лучше. Не хочу скорой славы. Она обманчива. Стать крепкой актрисой – куда важнее. Такие несут на себе все. Они – крепость. Крепкая – значит знаешь свою профессию, тебя с верной дороги не собьют ни слава, ни лукавый. Быть толстой и рыжей в жизни гораздо печальнее, чем на сцене. Там ты – веселый клоун, а на улице – просто некрасивая женщина. Лучше уж выходить на сцену. Хотя теперь, говорят, рыжие в моде. Но я узнала об этом недавно. Я не нацелена ни на успех, ни на поражение. Единственное, что мне хочется, так это работать. Я уже взрослая женщина. В 36 лет не могу верить в то, что стану вдруг звездой в отсутствие биографии и ролей. Так не бывает.

М. Зубанова

– А что для вас, Марина, в жизни главное?

– Сын. Ему 3 года и 8 месяцев. С его рождением я словно бы стала слышать, как птицы разговаривают, словно чакры открылись сильнейшие, и откуда-то вдруг уверенность необыкновенная взялась.

– Роль в картине Ларисы Садилевой у вас первая?

– До этого я снялась только в "Клубничке" в маленькой роли. Снималась в рекламе. Появлялась беременной, пила кефир, что-то еще делала. Деньги были нужны. Встреча с Ларисой произошла случайно. Я работала на озвучании мультсериала. Режиссер нашей картины оказался мужем второго режиссера картины "С любовью, Лиля". Я принесла свою фотографию, прошла пробы, сидела где-то в углу. До последнего момента никто не обнадеживал. Потом у меня сорвала квартира, а наутро позвонили и сказали, что берут на главную роль.

– К этому моменту не было мысли оставить профессию?

– Не хочется быть печальной, но были такие мысли. Особенно когда родился ребенок. Понимаешь, что ты – взрослая женщина, тебе 30 с лишним лет, и ты играешь не то что даже маленькие роли, а никакие. В одном спектакле я – Девушка, в другом – Женщина, в третьем – Альт. Получаешь за это зарплату, на которую с ребенком не прожить. С жильем про-

блемы, и их пора решать. Вот и лезут в голову разные мысли. Но приходишь в театр, начинаешь репетировать и понимаешь, что ты не можешь все это оставить. Мне нравится быть темной лошадкой. Примы приходят и уходят, а такие, как я, ведут спектакль, и все нормально.

– В какой степени Лиля – это Марина Зубанова?

– Вряд ли девушка с внешностью Марлен Дитрих будет играть доярку, хотя, может, кого-то из режиссеров это и вдохновит. Конечно, моя героиня и я – один тип. Но меня все-таки поколотила судьба, и я побыстрее догадываюсь о каких-то вещах. Лиля – чище. У меня мама такая. Она носит юбку и ни за что не наденет брюки. Я же – все-таки женщина в джинсах. В театре мне Генриетта Наумовна говорит: "Ничего не играй, иначе уйдешь со сцены!" Но трудно быть каждый день органичной. Это надо уметь – сыграть саму себя.

– Прибавил ли опыт работы в кино уверенности актерской и человеческой?

– Работать нравилось, я узнала огромное количество профессиональных, хороших людей. Поняла, что меня можно любить. Меня настолько реабилитировали в собственных глазах за два месяца съемок, что я вернулась в Москву елеиная, люблю всех, прошу у всех прощения. И все это благодаря съемочной группе, где все от мала до велика уделяли мне столько внимания. Меня так любила Лариса, что я стала бескожая. Страхно от того, что вдруг не смогу работать с другим режиссером. У многих сложилось впечатление, что я не очень уверенный в себе человек, что я крошечка, думаю, что в этом и есть моя индивидуальность. Если бы я была такая крошечка и неуверенная в себе, разве пошла бы в актерскую профессию? Я ведь каждый день выхожу на сцену. Какая уж тут крошечность?

– Как вы изучали жизнь птицефабрики, на которой работает ваша героиня?

– Лариса велела мне в нее внедряться. До начала съемок я наблюдала за всеми операциями, сама их осваивала. Отработала смену в убойном цехе, где птицу разделяли-

ют. Работники птицефабрики меня хвалили. А ведь я когда-то и уборщицей была, и котлы мыла. Что мне после этого работы бояться. Я же не графиня, ко всему привычная. Тяжелый труд на птицефабрике. Главное, что люди не защищены. Работают с мясом, ножи острее. Малейшее повреждение – и нагноение образуется. Перчаток нет. Да в них и не хотят работать, потому что чувствительность рук притупляется.

– Лиля ваша живет в небольшом городке, живет не слишком весело, одни заботы. В чем, по-вашему, разница между провинциальной и столичной женщиной?

– Я сама переменилась, переехав из Саратова в Москву. В провинции даже если человек торопится, то делает он это не так, как в столице. В провинции все основательно. Каждый день по улицам Саратова идут на работу девушки. Спины прямые, одеты с иголочки, каблук высокие, макияж полный. Жара, а у них губы намазаны, тушь течет. Зачем все это? – думаешь. А куда же они еще такими появляются и куда пойдут? Это их жизнь, их город. Им надо себя показать. В Москве женщины по большей части одеты нейтрально, косметики на лицах нет. Я и сама такая. И все куда-то несемся. В провинции есть некоторая беспроблемность существования. Я и сама отчасти бежала от нее. Бежала от тупикового состояния. Есть, скажем, железная дорога, и ты едешь в поезде, и вроде бы ощущаешь движение. А оказывается, вагон идет от одной стрелки к другой, взад-вперед. Это самое страшное. Замкнутый мир. В большом городе воздуха больше. А может, это всего лишь состояние больше все для того же вагона. В провинции не хуже и не лучше, просто все по-другому. Там всему уделяется время, до всего есть дело, потому что некуда спешить. Но картина все равно получилась светлая, несмотря на то, что жизнь у моей героини тяжелая и тусклая. Она нашла то, что искала. Главное – верить.

Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

румытура - 2002 - 26 март - 2 окт - 08